

OCR Nina & Leon Dotan (03.2004)

ldn-knigi.lib.ru (ldn-knigi.narod.ru ldn-knigi@narod.ru)

(наши пояснения и дополнения - шрифт меньше, курсивом)

{X} - Номера страниц соответствуют началу страницы в книге.

В оригинале сноски находятся в конце соответствующей страницы, здесь

- сразу за текстом!

Старая орфография изменена.

Граф С.Ю. Витте "Воспоминания"

Царствование Николая II, Том II

Изд. "Слово", Берлин 1922

ldn-knigi: из тома I, см. вступительные замечания И. В. Гессена:

"...Для критического подхода к воспоминаниям графа Витте чрезвычайно существенны отличия стенографических записей от собственноручных заметок. Поэтому последние выделены в тексте звездочками ()..."*

{311}

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

ПЕРВАЯ ДУМА. СТОЛЫПИН

* Новый выборный закон дал первую Государственную Думу гораздо более левую, чем ожидали. Думу эту, кажется, прозвали Думою "народного возмездия". Мне кажется, было бы правильнее ее прозвать "Думою общественного увлечения и государственной неопытности".

В сущности в Думе главнейшая партия была кадетов и, если бы кадеты обладали хотя малую долю государственного благоразумия и понимания действительности, и партия эта решилась бы отрезать от себя "революционный хвост", то первая Дума просуществовала бы долго и вероятно имела бы за собою историческую честь введения и воплощения русской конституции так, как она была определена 17-м октября и последующими во исполнение манифеста 17-го октября законами, созданными моим министерством. Дума же та увлеклась, зарвалась. Она была распущена, и затем явилось бестактное выборгское воззвание.

После опубликования 6-го августа совещательной Думы Булыгина, которая, конечно, не могла не обратиться в законодательную, когда было приступлено к выборам, министр внутренних дел Булыгин издал циркуляр всем губернским властям, в котором выражалось повеление Государя, чтобы выборы производились совершенно свободно и администрация никоим образом не вмешивалась в выборы в смысле влияния на выборы тех или других лиц.

Кажется очевидным, что после 17-го октября этот циркуляр, выражающий повеление Государя уже тем паче был обязателен, так как манифест 17-го октября выражал переход к закономерной {312} свободе и устранению административно-полицейского усмотрения. Поэтому, конечно, мое министерство в выборы не вмешивалось, а только наблюдало, чтобы они совершались в порядке с соблюдением всех законов, для выборов установленных. Министр внутренних дел не выражал никакой тенденции к вмешательству, но если бы он и вздумал проявить такую тенденцию, то, конечно, встретил бы во мне препятствие. Очевидно, Его Величество согласно циркуляра Булыгина и не высказывал ему -- П. Н. Дурново -- какие бы то ни было соображения о желательности вмешательства, но в известной степени Дурново и временные генерал-губернаторы, руководствовавшиеся его направлением, влияли на выборы в том смысле, что многими незаконными, произвольными действиями, о которых я большею частью узнавал *post factum*, они будоражили общественное мнение и способствовали выбору более левых представителей, которые ставили своим лозунгом: "долгой бюрократии, долгой ее произвол, долгой смертные казни, административные ссылки и тюремные заключения, и да водворится законность, да подчинится Верховная власть законодательной".

Его Величеству не угодно было признать, что такой образ действий администрации способствовал левизне Думы и в письме ко мне от 15-го апреля Государю угодно было писать:

"Мне кажется, что Дума получилась такая крайняя не вследствие репрессивных мер правительства, а благодаря... полнейшего воздержания всех властей от выборной кампании, чего не бывает в других государствах".

Итак циркуляр Булыгина должен был быть для декорации, а правительство исподтишка все таки должно было влиять на выборы. Одним словом, законы это одна вещь, а исполнение их другая. Мало ли что говорится хотя бы в законах и Государевых актах! Это лозунг введенный Столыпиным, которого правительство, хотя и с меньшим нахальством, нежели при Столыпине, держится и поныне и будет впредь держаться, покуда не произойдет чего-либо особого!..

В чем же заключался существенный недостаток выборного закона, последовавшего после 17-го октября?

Главнейшее в том же, в чем заключался недостаток закона 6-го августа, ибо выборный закон 17-го октября не мог изменить главную черту закона 6-го августа -- его, если можно так выразиться, {313} крестьянский характер. Тогда было признано, что Держава может положиться только на крестьянство, которое по традициям верно Самодержавию.

Царь и Народ!..

И действительно тогда все, что говорили Гучковы и гр. Бобринские и Крестовниковы (председатель московского биржевого комитета) и Мещерские ("Гражданин") и Суворины ("Новое Время") -- все под тем или другим соусом требовали или домогались ограничения неограниченности Царя, один народ безмолствовал. Поэтому такие архиконсерваторы, как Победоносцев, Лобко и прочие, все настаивали на преимуществах в выборном законе крестьянства. Когда же крестьянство без всякого другого ценза, кроме ценза "крестьянство", в значительном числе явилось в Государственную Думу по закону 17-го октября, который все, что касалось крестьянства, оставил без изменения с тем, что было определено в законе 6-го августа, то сказалось, что оно или беспрограммно, или имеет одну лишь программу -- "дополнительный надел землею, продолжение действия Великого Императора Освободителя". А когда правительство уже Горемыкина явилось в Думу и сказало:

"Земли ни в каком случае, частная собственность священна", то тогда крестьянство пошло не за Царским правительством, а за теми, которые сказали:

"Первое дело мы вам дадим землю да в придаток и свободу", т. е. за кадетами (Милюков, Гессен) и трудовиками.

Крестьянство и крестьянские выборы дали весь тон Думе, а закон 17-го октября в этом отношении очень мало изменил бы положение, если бы после манифеста 17-го октября оставил выборный закон 6-го августа без изменений. При создании этого закона доминировали две, впоследствии друг друга исключавшие мысли, с одной стороны: только крестьянство осталось верно неограниченному Самодержавию, а с другой: мы поэтому соберем преимущественно крестьянскую Думу. Но упустили из виду, что первая мысль находилась в соответствии со второй только при условии, что и политика неограниченного Самодержца останется прежняя, по которой народ мог искать высшей справедливости только у Царя Самодержца, а когда политика эта одновременно с созывом Думы изменилась и то, что Самодержец Александр II-ой считал справедливым, Самодержец Николай II-ой признал преступным и поползновением на чужую священную собственность, то все положение вещей перевернулось.

Тогда именно лица, которые имели большой полный карман, а особенно земельную {314} собственность, из будирующих либералов, мечтающих об ограничении своего Монарха, с испугу забыли все прошедшее и многие из них начали кричать:

-- Царь, явилась крамола, требуют уничтожения основ, на которых зиждется современные культурные государства, священного права собственности. Твои ближайшие слуги по малохарактерности или коварству Тебе изменяют, гони их, а тех, которые просят Тебя продолжать политику наделения землею крестьянства, примененную Твоим Великим делом, казни их, ссылай и сажай в тюрьму.

Явился и галантный, обмазанный с головы до ног русским либерализмом, оратор школы русских губернских и земских собраний, который и совершил государственный переворот 3-го июня, уничтожив выборный закон 17-го октября и введший новый закон 3-го июня -- закон, который очень прост с точки зрения принципов, положенных в его основу, ибо он основан только на таком простом принципе: "получить такую Думу, которая в большинстве своем, а следовательно и в своем целом, была бы послушна правительству. Думцы могут для блезира и говорить громкие либеральные речи, а в конце концов сделают так, как прикажу!". *

В конце апреля месяца последовало открытие нового Государственного Совета и Государственной Думы; ранее открытия Государственной Думы происходило торжественное, предварительное открытие этих учреждений в Зимнем Дворце; там присутствовали с одной стороны все члены Государственного Совета, а с другой стороны, все съехавшиеся члены Государственной Думы.

Государь явился в зал, в котором присутствовали члены Государственного Совета и Государственной Думы, в порядке большого выхода, со всеми высшими чинами Двора и со всею свитой. В зале дворца присутствовал весь чиновный мир, а равно и высшее общество.

Выход этот, имеющий, конечно, историческое значение, так как это был первый и единственный выход Государя Императора к представителям народа, как верхней, так и нижней Палаты -- был крайне торжественен.

Его Величество был довольно бледен, но довольно спокоен и имел весьма торжественный вид.

{315} Государь Император сказал слово весьма государственное и разумное. Очень жаль, что некоторые из указаний Его Величества были не выполнены по точному их